

- Palerm* 1974 – *Palerm A.* Historia de la etnología: los precursores. México, 1974.
- Pane* 1990 – *Pane F.R.* Relación acerca de las antigüedades de los indios. La Habana, 1990.
- Reichel-Dolmatoff* 1968 – *Reichel-Dolmatoff G.* Desana: Simbolismo de los indios Tucano del Vaupés. Bogotá, 1968.
- Reichel-Dolmatoff* 1971 – *Reichel-Dolmatoff G.* Amazonian cosmos. The sexual and religious symbolism of the Tukano Indians. Chicago, 1971.
- Sahagún* 1946 – *Sahagún B. de.* Historia general de las cosas de Nueva España. Vol. 1–3. México, 1946 (есть и другие издания).
- Strang* 2006 – *Strang V.* A happy coincidence? Symbiosis and synthesis in anthropological and indigenous knowledge // *Current Anthropology*. 2006. Vol. 47. № 6.
- Weber* 2003 – *Weber H.* Asháninka messianism: The production of a "Black hole" in Western Amazonian ethnography // *Current Anthropology*. 2003. Vol. 44. № 4.

ЭО, 2008 г., № 6

© **Г.А. Комарова.** Рец. на: **В.А. Тишков. Наука и жизнь. Разговоры с этнографами.** СПб.: Алетейя, 2008. 176 с., ил.

В постсоветские времена появилось множество мемуаров, написанных представителями академической науки, в том числе и нашего профессионального цеха. Среди них нередко встречаются сочинения из серии: "Я и наука", "Я и Бромлей", "Я и Токарев" и т.п. И на этом фоне особенно отрадно отметить и высоко оценить работы тех представителей отечественного этнологического сообщества, кто нашел время и силы, чтобы, оглянувшись назад, интересно, живо и вместе с тем достойно и академично описать, оценить, проанализировать состояние нашей науки в прошлом и наметить пути ее дальнейшего развития. Существуют уже десятки подобных текстов, различных в жанрово-стилевом отношении, но объединенных стремлением авторов не только рассказать о своем времени и о себе, но и ощутить себя и своих современников, ставших участниками и свидетелями великих достижений и трагических потрясений XX в., в новых постсоветских условиях; и при этом не столько определить свое место на стыке веков и на сломе эпох, сколько показать роль и предназначение своей любимой науки, которой они посвятили всю свою жизнь. Значимость подобных обсуждений, на мой взгляд, состоит прежде всего в том, что они предоставляют читателю возможность выявить ориентиры в предлагаемых обстоятельствах и выстроить координаты в новых трансформационных процессах.

Книга "Наука и жизнь. Разговоры с этнографами", несомненно, займет в этом почетном ряду особое место. Она собрала под одну обложку интервью, сделанные в 1990–2000-е годы известным российским ученым, директором ИЭА РАН, акад. В.А. Тишковым с ведущими представителями нашего профессионального сообщества, с патриархами отечественной этнографии. "Исповедая своего рода методологический индивидуализм и предрасположенность к научным инновациям, – пишет автор-составитель книги, – я всегда считал одним из принципов научной деятельности внимание к вопросам научной преемственности и воздание должного вклада в науку представителей старшего поколения. Именно по этой причине я провел серию разговоров-интервью с выдающимися представителями отечественной этнологии" (с. 151).

Первое по времени интервью В.А. Тишков провел в 1992 г. с Леонидом Павловичем Потаповым, известным отечественным сибиреведом, долгие годы возглавлявшим Ленинградское отделение ИЭ АН СССР (Музей антропологии и этнографии). Позднее собеседниками В.А. Тишкова стали: заместитель директора ИЭ АН СССР, родоначальник этнодемографии и этнической картографии Соломон Ильич Брук; известный этнограф, бессменный руководитель отдела эт-

нографии народов Средней Азии Татьяна Александровна Жданко; крупнейший отечественный фольклорист, чл.-кор. РАН Кирилл Васильевич Чистов; патриарх полевой этнографии, ведущий специалист по этнографии народов Поволжья, проф. Евгений Прокопьевич Бусыгин. В книгу также включены два интервью с лидерами современной этнологической науки: чл.-кор. РАН Сергеем Александровичем Арутюновым и проф. Севьяном Израилевичем Вайнштейном.

Интервью с Л.П. Потаповым, Т.А. Жданко, С.И. Бруком, К.В. Чистовым, Е.П. Бусыгиным и С.И. Вайнштейном уже публиковались начиная с 1993 г. в "Этнографическом обозрении". Помнится, и тогда эти публикации вызвали живой интерес. Однако, перечитывая их новое издание, отмечаешь, что, собранные под одной обложкой, эти интервью производят еще более сильное, более острое и духоподъемное впечатление, чем прочитанные в разное время и порознь. Этому способствует многое и, в частности, структурное решение издания. Книга оказалась удачно "закольцованной": она начинается с прямых слов автора-составителя к читателю и завершается его собственным интервью, данным В.В. Козловскому и публиковавшимся в свое время в журналах "Социология и социальная антропология" и "Этнопанорама".

"Серия интервью, которую я сделал с патриархами, корифеями нашей дисциплины, – говорит В.А. Тишков, – отражает мое ощущение важности не только перемен, поборником которых я выступал все эти последние годы, но и преемственности" (с. 148). В центре его внимания постоянно находятся типы научных карьер и профессиональные биографии этнологов разных поколений. Интервью, хотя и носят широкий обзорный характер, но при этом позволяют выстроить многообразные "оси" структурной дифференциации профессионального сообщества. Одной из главных среди них является поколенческая ось. При этом трудно согласиться с автором-составителем, утверждающим, что в книге "речь идет только об академическом сообществе и в основном о второй половине XX в. в жизни нашей страны и развития советской науки" (с. 6). На самом деле, помимо портретов восьми авторов интервью, в книге не только упоминаются десятки великих имен, но и даются их точные и яркие характеристики. Перед читателем проходит череда известных ученых XIX–XX вв., как российских, так и зарубежных, великих мыслителей, властителей дум и других "культурных героев" отечественной науки и культуры.

Следует также уточнить, что в книге речь идет не только "о науке этнографии, которую сегодня более адекватно называть этнологией и социально-культурной антропологией" (с. 6). Авторы интервью размышляют также и об истории (В.А. Тишков), физической антропологии и археологии (С.А. Арутюнов, С.И. Вайнштейн), музееведении (Е.П. Бусыгин, Т.А. Жданко, Л.П. Потапов), востоковедении (С.А. Арутюнов, С.И. Вайнштейн, В.А. Тишков), географии (С.И. Брук, Е.П. Бусыгин), картографии (С.И. Брук), фольклористике и филологии (К.В. Чистов), языковедении (С.А. Арутюнов, Т.А. Жданко, К.В. Чистов, В.А. Тишков), фармакогнозии (Л.П. Потапов), этносоциологии (К.В. Чистов, В.А. Тишков) и т.д. Более того, многие страницы книги пронизаны особым поэтическим восприятием профессии и жизни героями интервью: музыка – в жизни Е.П. Бусыгина, поэзия – в творчестве К.В. Чистова и т.д. Не случайно автор-составитель отмечает, что "многие этнографы были не чужды литературно-поэтическим занятиям" (с. 8). В целом рецензируемая книга содержит ценнейший фактический и теоретический материал, к которому могут обращаться не только этнографы/этнологи/антропологи, но и представители других социально-гуманитарных наук, исследователи, работающие в одном общем пространстве, которое обозначается такими ключевыми понятиями, как человек, социум, культура.

Важное место в системе структурной дифференциации этнологического сообщества занимает в интервью, проведенных В.А. Тишковым, социально-культурная ось. Герои интервью подробно рассказывают о себе, о своем деле, своих интересах и пристрастиях, о родных и близких, об учителях и о своих учениках – обо всем, что интересно и автору, а в итоге – и читателю. Наряду с этим автора-составителя "интересует социальная среда и, прежде всего, ее культурный контекст", в котором формировалась личность ученого и который оказывал влияние на жизнь и творчество ученого (с. 93). В частности, затрагивается очень интересная и актуальная тема "диспозиция между личностью и этничностью в истории жизни" (с. 9). Она проходит красной нитью в беседах с С.А. Арутюновым, С.И. Бруком, Т.А. Жданко, С.И. Вайнштейном, К.В. Чистовым и особенно живо представлена в интервью с Е.П. Бусыгиным. Автор-составитель спе-

циально отмечает умение Е.П. Бусыгина "прожить всю жизнь в согласии и к пользе для двух мощных культурных традиций (русской и татарской)" (с. 8). В целом тема влияния среды и вне-научных факторов на науку и научную деятельность присутствует во всех интервью и становится одной из ярких составляющих богатой тематической палитры рецензируемого издания.

В книге подробно описаны жизненные судьбы выдающихся ученых-этнологов, вклад отечественных ученых в мировую науку, даются образцы гражданской жизненной позиции и служения делу академической науки. Герои интервью обсуждают важные теоретические положения, оценивают достижения отечественной и зарубежной науки. В результате возникает хотя и мозаичное, но объемное впечатление, цельная и достаточно полная картина состояния дисциплины, ее основной проблематики и дебатов внутри профессионального сообщества. Раскрываются не только многие драматические страницы отечественной гуманитарной науки, но и описываются важнейшие события в истории страны и ее народов.

В этом плане название книги "Наука и жизнь" прекрасно отражает ее суть. И вслед за автором-составителем, действительно, можно согласиться с тем, что оно – "простое по своей словесной форме и сложное в своей содержательной заявке" (с. 6). Однако расширительное название книги "Разговоры с этнографами", на мой взгляд, не вполне соответствует жанру издания. Его было бы точнее определить не просто как "разговоры", а "интервью-исследование". Как известно, интервью – жанр многогранный. И при этом, несмотря на кажущуюся легкость, это – один из самых сложных жанров, требующих соблюдения определенной тактики и стратегии. Кажется, что нет ничего проще, чем задавать вопросы и записывать ответы на них. Однако социологическая практика показывает, сколь сложен этот жанр, как трудно, но очень важно "раскрыть" собеседника, повести интервью в нужное русло, а не просто записать речь интервьюируемого. Если обратиться к семантике самого слова, то оно состоит из префикса "inter", имеющего значение "взаимодействия, взаимонаправленности", и слова "view", одно из значений которого – "взгляд, мнение". Значит, интервью – "обмен взглядами, фактами, сведениями".

Именно это мы и находим в рецензируемой книге: не просто "разговоры", и не формализованные интервью, а глубокие и интересные интервью-беседы, причем в каждом случае с акцентом, уклоном в ту или иную сторону. Так, "разговоры" В.А. Тишкова с Л.П. Потаповым и Т.А. Жданко – это, пожалуй, глубинные интервью, а с С.А. Арутюновым и К.В. Чистовым – безусловно, научные беседы. Иные из "разговоров", например, с С.И. Вайнштейном, скорее близки к очерку, рассказанному героем о себе. Это – его речевой автопортрет. Но в любом случае присутствие автора-составителя чувствуется во всем. В роли собеседника-интервьюера В.А. Тишков своими вопросами направляет повествование, останавливает внимание на более интересных, с его точки зрения, фактах и наиболее важных научных проблемах. При этом, перефразируя слова Д.С. Лихачева (с. 88), отмечу, что рецензируемая книга интересна как вопросами, так и ответами. Тексты интервью, безусловно, "порождены одновременно и информатором, и тем профессионалом, который их записывает. Таким образом, фактически это совместное произведение" (с. 84), в котором постоянно ощущается благоприятное "возмущающее влияние наблюдателя" (с. 85), в данном случае – автора-составителя.

Вместе с тем было бы большим упрощением рассматривать рецензируемую книгу лишь как простой сборник интервью. Для меня особая ее привлекательность заключается прежде всего в том, что она вносит большой вклад в разработку пока еще мало освоенного отечественными исследователями, но весьма перспективного и важного для нашего профессионального сообщества направления – антропологии академической жизни (далее – ААЖ).

"Эти интервью, – признает автор-составитель, – своего рода попытка саморефлексии в рамках собственной дисциплины, если хотите, этнография этнографии" (с. 151). На других страницах В.А. Тишков отмечает, что "со второй половины XIX в., когда появляется целая плеяда чисто профессиональных ученых, которые занимаются собиранием, регистрацией, изложением, интерпретацией этих текстов, и до последнего времени, мне кажется, вот этой саморефлексии не хватало" (с. 85). Позволю себе добавить к вышесказанному, что и многим нашим коллегам по-прежнему недостает "этой самой рефлексии". И хотя отдельные оптимисты и отмечают определенное "повышение уровня рефлексии научного сообщества", более верным представля-

ется мнение о "чрезвычайной неспешности освобождения исследовательского сознания от тоталитарных стереотипов" (АФ 2006: 180, 37). Я, в частности, столкнулась с подобными проявлениями повседневной академической практики, когда в рамках проекта "Женский портрет в научном интерьере" (Комарова 2007; 2007а) проводила бинарные интервью с представительницами отечественной и зарубежной науки. Нельзя было не отметить: сколь привычно, свободно и непринужденно отвечали на любые вопросы моей анкеты иностранки, столь же были смущены и зажаты в большинстве своем наши исследовательницы. Точно так же недоуменно и настороженно восприняли многие коллеги мою заявку на организацию и проведение в рамках VII КЭАР первой в истории отечественных этнологических конгрессов секции, посвященной проблемам антропологии академической жизни и в результате удачно состоявшейся (ААЖ 2008).

К сожалению, возможность и, главное, необходимость антропологического взгляда на антропологию как научную дисциплину, социально и культурно обусловленную практику, в отечественной науке еще абсолютно не осознана. Между тем в работах наших зарубежных коллег подобный подход разрабатывается с конца 1960-х годов. Его возникновение в значительной степени совпало с "антропологическим поворотом" в социальных науках 1970-х годов. Подробный обзор этих разработок содержится в диссертации М. Пейрано "Антропология антропологии: бразильский случай" (Peirano 1981). К. Гирц был одним из первых, кто сделал процесс производства научного знания в повседневной деятельности своих предшественников – классиков антропологии – предметом изучения (Geertz 1983, 1988). Он исходил из того, что исследователь-этнограф в процессе работы сначала преобразует сложный опыт полевого наблюдения в своих записях, а затем вновь интерпретирует их, пропуская через аналитические методы и теории. К. Гирца и его единомышленников интересовали процедуры интерпретаций, скрытые нерелексированные механизмы социальной коммуникации между учеными. Им было важно отрелексировать этот многоэтапный процесс селекции материала, чтобы приблизиться к пониманию логики его участников.

Другие исследователи (Б. Латур, С. Вулгар, Ш. Трэвик, Х. Гастерсон) – представители направления "STS" ("Science and Technology Studies") – обратили свое внимание, напротив, на субкультуру современных научных сообществ, рассматривая их как культурно изолированное сообщество людей и изучая не результаты их деятельности, а сам процесс повседневной работы в лаборатории. Само академическое сообщество воспринималось в этом случае как "народ" или культурная среда, объединяемая не только общим знанием, дискурсом, но и разделяемыми повседневными практиками, передающимися как традиция, в значительной мере на неформальном уровне, в ходе повседневных взаимодействий. Наибольший резонанс в целой серии их эмпирических исследований получила книга Б. Латура и С. Вулгара "Жизнь лаборатории", написанная по результатам исследования деятельности биохимической лаборатории в Калифорнии (Latour, Woolgar 1979).

В разработке антропологии академических сообществ важную роль сыграли также лингвисты, литературные критики, литературоведы и, прежде всего, С. Фиш (Fish 1980). Особое пристальное внимание они уделяли тексту, полагая, что его интерпретация во многом зависит от личного субъективного опыта читателя. Причем это – не абстрактный опыт, поскольку каждый человек является членом определенного сообщества, сам язык которого уже создает своеобразные рамки понимания действительности. Подобный подход в значительной степени формировался в контексте литературного критицизма. Для сторонников "литкриты" академический дискурс представлял интерес и в качестве культурных текстов, и как репрезентация социального знания, и как контекст культурного производства, социального взаимодействия и индивидуального опыта. К началу 1990-х годов все три названные выше исследовательские поля во многом совпали, направления исследований переплелись. И сегодня уже стало нормой, что многие западные исследователи делают "антропологическую мысль предметом этнографического описания и этнологического понимания" (Aunger 1995; Sangren 2007).

Книга "Наука и жизнь", на мой взгляд, производит именно такой вид знания, которое, с одной стороны, имеет статус профессионального дискурса, поскольку создают его профессиона-

лы в процессе своей деятельности, и вместе с тем это знание о профессии, о реальных практиках ее осуществления; с другой стороны, оно (это знание) может быть предметом исследования антропологическими методами, т.е. допускает власть интерпретации. Рецензируемая книга содержит богатейшие материалы по целому ряду проблем ААЖ, освещающие прошлое, настоящее и будущее не только российского этнологического сообщества, но и других отечественных и зарубежных академических сообществ. На ее страницах ведется обсуждение теоретических и прикладных проблем академической жизни, затрагивается самый широкий круг тем, относящихся к антропологии академической жизни. Назовем лишь некоторые из них:

- проблемы формирования профессиональной идентичности;
- формирование и развитие научных идей и проектов в социокультурном контексте;
- профессиональная этика и моральная ответственность этнографа перед объектом прикладных исследований;
- общественные трансформации и "кризис" науки;
- опыт сохранения отечественных академических традиций в различных социокультурных средах;
- провинциализм и защитный изоляционизм в науке;
- особенности частной стратегии выживания ученого в "трудные" времена;
- тема репатриации ученого из одной научной сферы в другую;
- традиции и инновации, повседневный быт и праздничная культура, реалии и мифы, культы и кумиры, ритуалы и церемонии, иерархическое взаимодействие, статусные привилегии и символы и т.д. академической жизни;
- феномен научных экспедиций и неформальный экспедиционный дискурс;
- роль интеллектуалов и дискурсивных практик в переходных обществах;
- положение российской научной элиты в социальных науках, культурном производстве и системе распределения власти и т.д.

Список тем ААЖ, затронутых в той или иной степени героями книги, может быть значительно дополнен. Но достаточно сказать, что вся книга в целом прекрасно раскрывает одну генеральную тему "Профессия как образ жизни ученого". Все представленные в ней тексты, безусловно, сами по себе уже являются документами "субъективной" истории ученого как автоэтнографического источника. В книге фактически разрабатывается методология изучения ААЖ. Это позволяет перейти от анализа метода как части индивидуальной исследовательской практики к видению его в контексте существования "воображаемого сообщества" социальных исследователей; рассматривать исследовательскую практику как коллективный процесс, протекающий среди этнологов (в данном случае, интервьюеров и их информантов), т.е. как особого рода социальное взаимодействие.

Я уверена, что книге предстоит долгая жизнь. И, прибегнув к аналогии с элитарными напитками, можно сказать, что именно с годами будет все больше цениться каждая страница, любая "капля" информации, каждое слово, произнесенное героями рецензируемой книги. Ее составитель признается, что "никогда не пытался что-то подправить или дописать (даже в мои собственные вопросы), чтобы как-то выделить и усилить собственную позицию" (с. 8). Действительно, соблюдение этого очень важного методологического требования позволяет сохранить аутентичность идей и слов интервьюируемого.

Таким же неукоснительным требованием является для интервьюера полная и точная паспортизация проделанной работы. В данном издании в целом она представлена грамотно: точно и четко указаны место и время получения большинства интервью. Исключение составляет беседа В.В. Козловского с В.А. Тишковым. Вместе с тем паспортизация интервью – это не пустое формальное требование. В частности, она априори снимает многие вопросы читателей. Точная датировка текста позволяет избежать каких-либо недоразумений, вызванных естественной для любой творческой личности хронологической сменой научных подходов, взглядов, позиций и т.п.

Приведу только один пример. Мой особый интерес и определенное недоумение вызвала следующая фраза: «Российская традиция жестко держала научное сообщество в рамках этниче-

ской тематики и этнографического метода. Даже изучая воздействие техногенных катастроф (ядерной аварии на Урале) на местные сообщества, исследователь придал своему интересу название "этнос и радиация"» (с. 153). Хотя исследователь в тексте не назван, но легко узнаваем, так как подобное исследование в отечественной этнографии проводилось лишь мною. И если с первой частью цитируемой фразы я безоговорочно согласилась, то ее вторая часть заставила меня порыться в своих архивах. Однако ни в программе исследования, ни в полевых материалах, ни в одной из многочисленных работ, посвященных результатам исследования в зоне заражения, я не обнаружила сочетания этих двух понятий "этнос и радиация", оформленных не только в смысловом, но даже и в графическо-лексическом виде.

Вместе с тем удалось документально подтвердить, что именно В.А. Тишков был первым, кто при обсуждении моей работы в 2003 г. отметил как достижение тот факт, что «весь круг проблем и выдвинутых гипотез в исследовании Г.А. Комаровой рассматривался не через призму "этнос и радиация", а более тонко и мозаично, путем выделения трех социокультурных групп ("мусульманская", "татаро-башкирская", "русская"), различающихся по бытовому поведению и, соответственно, по получаемым с пищей и водой дозам дополнительного радиационного облучения. При этом данная группа не обязательно совпадает с этнической общностью, т.е. типичная для советской этнографии этническая парадигма с ее стремлением все и вся связывать с этносами далеко не всегда является оправданной. Подобный методологический подход, предполагающий изучение той конкретной роли культурных норм, ценностей и стереотипов, создающих своеобразие группы, которую они играют в повседневном поведении и жизнеобеспечении членов указанной группы, представляется многообещающим» (Тишков 2003).

В итоге по этим и некоторым другим косвенным данным можно предположить, что В.В. Козловский взял глубокое и очень интересное интервью у В.А. Тишкова не позднее 2002 г. Однако полная и точная паспортизация проделанной работы, к сожалению, отсутствует. А ведь именно элементарная паспортизация делает интервью историческим документом. Надеюсь, что при переиздании книги, в неизбежности которого я уверена, подобные упущения, как и отдельные мелкие неточности (с. 6, 154) и опечатки (с. 9, 85) будут исправлены. В качестве пожелания на будущее было бы разумно дополнить книгу общим именным указателем, а также списками наиболее значимых трудов всех авторов интервью. Что касается уже состоявшегося издания, нельзя не отметить вполне достойное, академичное и вместе с тем современное оформление рецензируемой книги. Она вышла в издательстве "Алетейя" (дизайн обложки выполнил И.Н. Граве, оригинал-макет – А.А. Сурнин). Книга удачно иллюстрирована фотографиями преимущественно из семейных альбомов ученых, а также фотографиями автора-составителя. Книга размещена в Интернете на личном сайте В.А. Тишкова.

Несомненное достоинство рецензируемой книги состоит в том, что она представляет собой не простую механическую подборку текстов, но очень удачный способ репрезентации героев интервью и их эпохи. Мне довелось работать и общаться с большинством собеседников В.А. Тишкова. Прочтя их интервью, я вновь ощутила величие и простоту, ум и обаяние патриархов нашей науки.

В начале книги автор-составитель так характеризует цель издания: "Эта книга – мой дар памяти выдающимся коллегам, и это мой посильный вклад в воссоздание истории и в сохранение научной преемственности между поколениями" (с. 5). Общеизвестно, что каждое новое поколение ученых работает, опираясь на опыт своих предшественников. Поэтому любая научная концепция, идея или даже отдельный, но очень важный факт, будучи освоенными, вызывают к жизни новые циклы научных работ, развивающих, проверяющих или даже отрицающих ранее выдвинутые положения и введенные в научный оборот факты. Но чтобы объективно оценить состояние той или иной науки, обязательно нужен взгляд в прошлое.

Этот очень важный замысел рецензируемой книги интересен для любого читателя и особенно полезен для молодых начинающих этнологов. А для каждого студента и аспиранта, мечтающего стать этнологом и находящегося в процессе самоосознания будущей профессии, она, на мой взгляд, должна стать настольной.

Литература

- ААЖ 2008 – Антропология академической жизни / Ред.-сост. Г.А. Комарова. М., 2008.
- АФ 2006 – Этические проблемы полевых исследований // Антропологический форум. 2006. № 5. С. 7–166.
- Комарова 2007 – Комарова Г.А. Женский портрет в научном интерьере // Антропологический форум. 2007. № 7. С. 312–326.
- Комарова 2007а – Комарова Г.А. "Уважение к респондентам – важнейшая заповедь исследователя..." (интервью с Е.И. Филипповой и М. Ларюэль) // Этнограф. обозрение. 2007. № 2. С. 119–131.
- Тишков 2003 – Тишков В.А. Выступление на заседании специализированного диссертационного Совета ИЭА РАН по присуждению ученой степени доктора исторических наук 14 января 2003 г.
- Aunger 1995 – Aunger R. On Ethnography. Storytelling or Science? // Current Anthropology. Vol. 36. № 1. 1995. P. 97–130.
- Fish 1980 – Fish S. Is There a Text in This Class? The Authority of Interpretive Communities. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980.
- Geertz 1983 – Geertz C. Local Knowledge. N.Y.: Basic Books, 1983.
- Geertz 1988 – Geertz C. Works and Lives: The Anthropologist as Author. Stanford: Stanford University Press, 1988.
- Gusterson 1996 – Gusterson H. Nuclear Rites: A Weapons Laboratory at the End of the Cold War. Berkeley: University of California Press, 1996.
- Latour, Woolgar 1979 – Latour B., Woolgar S. Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts. Beverly Hills: Sage, 1979.
- Peirano 1981 – Peirano M.G.S. The anthropology of anthropology: The Brazilian case. Ph.D. thesis. Cambridge, MA. 1981.
- Sangren 2007 – Sangren P.S. Anthropology of anthropology: Further reflections on reflexivity // Anthropology Today. 2007. Vol. 23. № 4.
- Traweek 1988 – Traweek S. Lifetimes and Beamtimes: The World of High Energy Physics. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1988.